

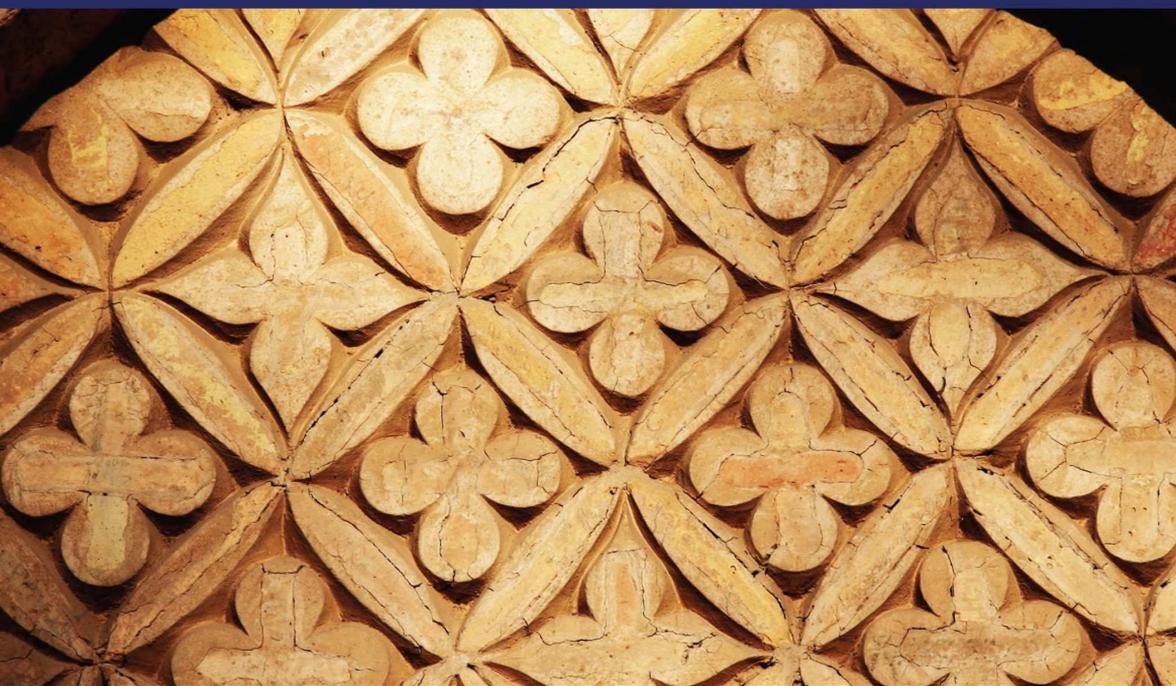
Настоящий сборник является 6-м выпуском из серии «Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней Азии». Сборник состоит из 8 частей. 1-я часть «Этнопедагогика» включает статью Б.Убайдуллаевой «К вопросу об этнопедагогике или этнологическом исследовании социализации детей» (I), 2-я часть «Тюркоязычные народы» - статью Ш.Камолиддина «Этноним узбек и топоним Узбекистан в письменных источниках» (II), 3-я часть «Ираноязычные народы» - статью Ш.Камолиддина «К вопросу о происхождении этнонима таджик. Часть 6» (III), 4-я часть «Регионы» - статью Г.Бабаярова и Э.Асанова «Был ли этническим досоветский город? О палитрах идентичности Бухары начала XX века» (IV), 5-я часть «История государственности» - статью Ю.Дробышева «Отражение монгольских имперских идей в средневековых тибетских источниках» (V) и статью Ф.Джуманиязовой «Наиболее поздние представители династии Кабулшахов: Фромо Кесарио и По-фу-цун» (VI), 6-я часть «Дискуссии» - статью А.Ходжаева «Новый взгляд на сведения китайских источников о саках» (VII), 7-я часть «Рецензии» - Комментарий Ш.С.Камолиддина к книге С.Бобомуллоева и Н.Убайдуллоева «Таджики в источниках и трудах исследователей (материалы по истории таджиков)» (VIII).

Шамсиддин Камолиддин – д.и.н., профессор, независимый исследователь (г. Ташкент, Узбекистан). Занимается исследованием арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных источников по средневековой истории и исторической географии Средней Азии эпохи Тюркского каганата (сер. VI – сер. VIII вв.) и Арабского халифата (сер. VIII – нач. XIII вв.).

FOR AUTHOR I

Шамсиддин Камолиддин (ред.)

**Вопросы этногенеза и
этнической истории
народов Средней Азии.
Выпуск 6**

Древность. Средние века. Новое время.

 LAMBERT
Academic Publishing

Шамсиддин Камолиддин (ред.)

Вопросы этногенеза и этнической истории народов Средней
Азии. Выпуск 6

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

Шамсиддин Камолиддин (ред.)

**Вопросы этногенеза и этнической
истории народов Средней Азии.
Выпуск 6**

Древность. Средние века. Новое время.

FOR AUTHOR USE ONLY

LAP LAMBERT Academic Publishing RU

Imprint

Any brand names and product names mentioned in this book are subject to trademark, brand or patent protection and are trademarks or registered trademarks of their respective holders. The use of brand names, product names, common names, trade names, product descriptions etc. even without a particular marking in this work is in no way to be construed to mean that such names may be regarded as unrestricted in respect of trademark and brand protection legislation and could thus be used by anyone.

Cover image: www.ingimage.com

Publisher:

LAP LAMBERT Academic Publishing

is a trademark of

Dodo Books Indian Ocean Ltd., member of the OmniScriptum S.R.L
Publishing group

str. A.Russo 15, of. 61, Chisinau-2068, Republic of Moldova Europe

Printed at: see last page

ISBN: 978-620-0-29192-9

Copyright © Шамсиддин Камолиддин (ред.)

Copyright © 2021 Dodo Books Indian Ocean Ltd., member of the
OmniScriptum S.R.L Publishing group

FOR AUTHOR USE ONLY

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть 1. Этнопедагогика	5
Часть 2. Тюркоязычные народы	21
Часть 3. Ираноязычные народы	31
Часть 4. Регионы	43
Часть 5. История государственности	55
Часть 6. Дискуссии	89
Часть 7. Рецензии	123
Часть 8. Новые книги	133
Условные сокращения	147
Приложение	148
Наши авторы	162
Развернутое содержание	163

Часть 4. Регионы.

IV

БЫЛ ЛИ ЭТНИЧЕСКИМ ДОСОВЕТСКИЙ ГОРОД? О ПАЛИТРАХ ИДЕНТИЧНОСТИ БУХАРЫ НАЧАЛА XX ВЕКА

Г. Бабаяров, Э. Асанов

В Бухаре нач. XX в. существовали весьма разнообразные идентичности, которые имели религиозный, этнический, племенной, локальный или сословный характер. В ходе бурных политических событий племенные группы и оседлые общины региона объединялись в более крупные союзы, которые, тем не менее, были еще далеки от понятия нации. Эти укрупненные группы дали начало традиционным для Средней Азии XVI – XIX вв. идентичностям, которые мы называем этническими. Идентичности эти были радикально пересмотрены в нач. XX в. в рамках советской национальной политики. Некоторые из них получили официальное признание и были наполнены национальным содержанием, т.е. их понимание было пересмотрено; другие, наоборот, были проигнорированы и включены в состав других идентичностей. Крупнейшие этносы Бухарского эмирата – узбеки и таджики стали считаться нациями, а названия эти приобрели несколько иные коннотации.

Ключевые слова: город Бухара, квартал, *махалла*, XX век, идентификация, нация, род, узбек, таджик, перс, тюркоязычный, персоязычный.

WAS THE PRE-SOVIET CITY ETHNIC? ON THE PALETTE OF THE IDENTITY OF BUKHARA IN EARLY 20th CENTURY

Ghaybullah Babayarov, Eldar Asanov

In Bukhara, in the beginning of the 20th century there were very diverse identities that were religious, ethnic, tribal, local or class in nature. In the course of turbulent political events, tribal groups and sedentary communities in the region united into larger alliances, which, however, were still far from the concept of a nation. These enlarged groups gave rise to the traditional for Central Asia of the 16th – 19th centuries identities that we call ethnic. These identities were radically revised in the beginning of the 20th century within the framework of Soviet nationality policy. Some of them received official recognition and were filled with national content, i.e. their understanding has been revised; others, on the contrary, were ignored and incorporated into other identities. The largest ethnic groups of the Bukhara Emirate – Uzbeks and Tajiks – began to be considered nations, and these names acquired slightly different connotations.

Key words: Bukhara city, quarter, *mahalla*, 20th century, identification, nation, clan, Uzbek, Tajik, Persian, Turkic speaking, Persian speaking.

Введение в проблематику

Таджикское и таджикоязычное население Зарафшанской долины, второе по численности после узбекского, в востоковедческой литературе часто упоминается как «коренное» население обозначенной области [Напр., см.: Бартольд 1963: 451 – 470]. Причина того, что иногда используется термин «таджикское», а иногда «таджикоязычное», в том, что в донациональный период истории Центральной Азии строгих национальных маркировок еще не существовало, также язык и этничность различных групп совпадали далеко не всегда, посему крупные массивы населения, объединенные единым языком общения, часто были сильно фрагментированы по этническому, племенному и сословному признакам. Такая ситуация, с некоторыми поправками на национальный дискурс, сохраняется и по сей день; так, на таджикском языке в долине Зарафшана, помимо собственно таджиков, говорят среднеазиатские евреи, часть арабов, ирани и даже узбеков. Так, таджикоязычные арабы проживают как в Самаркандской области, так и Бухарской [Сухарева 1976: 81 – 83]. Какая-то часть арабов Навоийской области также использует в быту этот язык. Вообще, таджикоязычие среднеазиатских арабов – обыденная социолингвистическая ситуация [Кармышева 1976: 111 – 113]. Не только в Узбекистане, но и в Таджикистане часть арабов говорит на таджикском, а часть – на узбекском языках. При этом арабы эти являются относительно недавними переселенцами из Ирака и Ирана, которые проникли в Каршинские степи и продвинулись дальше вовнутрь Бухарского эмирата в XVII – XVIII вв.

Такая чересполосица языковых и этнических показателей особенно характерна для центральной области бывшего Бухарского эмирата – собственно города Бухары и окрестных районов, которые ныне разделены между Бухарской и Навоийской областями Узбекистана. Столичный регион являлся точкой концентрации весьма пестрого населения, в котором были представлены почти все этнокультурные группы эмирата. Савельев, посетивший Бухару в 1835 г., отмечал, что здесь можно встретить «людей со всего Узбекистана» [Демезон 1983: 135].

В ходе совместного проживания и контактов происходила культурная и языковая унификация населения. Формировалась общая для всех локальная идентичность. Большинство зарубежных исследователей считает, что такая локальная, или оазисная идентичность – «бухарцы», «самаркандцы», «ташкентцы» заменяла идентичность «национальную» и доминировала. Однако подобная трактовка взаимо-

отношения идентичностей в регионе является излишне упрощенной. Изучение письменных источников и этнографических данных XX века показывают, что оазисная идентичность не заменяла этноплеменную, а составляла лишь один пласт, причем далеко не всегда доминирующий. Понимание самосознания у жителей Центральной Азии до эпохи модерна было сложным, многослойным и ситуативным: принадлежность к городу, области или оазису имела важное значение в ходе взаимоотношения с представителями других географий. Во внутрирегиональных и внутригородских же отношениях на первый план выступала принадлежность к тому или иному племени, семейству, этносу или религии, если социальная связь возникала между представителями различных религий и мазхабов. Посему, на наш взгляд, ошибочно будет считать, что в оазисах и городских центрах региона возникла некая общая локальная идентичность, и представлять жителей оседлых районов безликими группами без этноплеменной памяти. Собранный в XIX – XX вв. материал показывает, что, наоборот, большинство горожан и оседлых жителей прекрасно знали свое происхождение и много обращались к нему; бухарцы или самаркандцы в то же время считали себя узбеками, таджиками, арабами, ирани, евреями, туркменами, лезгинами и пр. Даже в центре Бухарского эмирата, где процессы этнической конвергенции протекали максимально интенсивно, городское население было сильно фрагментировано, что иногда даже приводило к возникновению этно-религиозных конфликтов (сунниты-шиитская резня 1910 г.). Интересно, что в Бухаре шел процесс постепенной языковой унификации: в городских поселениях население переходило на таджикский язык, в сельской местности – на узбекский, тем не менее, это далеко не всегда приводило к унификации этнической идентичности.

В статистических данных и этнологических исследованиях по махаллям и гузарам города Бухары до нач. XX в. отмечается, что население этого города говорит преимущественно на таджикском языке, однако имеет весьма разнородный набор идентичностей. В частности, упоминаются таджикоязычные узбеки, таджикоязычные таджики, а также та категория населения, которая, общаясь на таджикском, при этом не имела точного представления о своей этноплеменном происхождении. Так, О.А.Сухарева по результатам исследования более чем 200 махаллей и гузаров города Бухары приводит к выводу, что таджикоязычное население относит себя к узбекам, таджикам, а также персам, арабам, евреям; кроме того, она отмечает определенное количество туркмен, казахов и др. На основе данных, приведенных

исследовательницей, можно составить определенное представление об этническом составе Бухары в первой пол. XX в. (см. Прил. 1).

Племя или город?

Исключительная пестрота населения Бухары в этнокультурном отношении объясняется тем, что это была столица государства, куда стекалось население из различных регионов эмирата, а также других государств. Тем не менее, совместная жизнь в едином городском пространстве в той или иной степени способствовало унификации населения. Унификация шла по языковой и религиозной линиям.

Объединяющим социальным языком столицы был таджикский (он же персидский в досоветской терминологии), он служил языком межэтнического и межобщинного диалога, поэтому чаще всего на улицах Бухары можно было слышать этот язык. Это постепенно приводило к тому, что горожане во втором или третьем поколении уже использовали таджикский в качестве родного языка. Однако при этом большинство все-таки сохраняло свое этническое, религиозное и племенное сознание.

Возникновение той категории населения, которая не имела точного представления о своей идентичности, можно объяснить двумя обстоятельствами: с одной стороны, возможно, это было результатом следующей фазы глотто-культурной конвергенции, в ходе которой над этническим и племенным пластами самосознания брала верх идентичность городская, «бухарская». В формировании такой идентичности, видимо, играли доминирующую роль в первую очередь культурные и социальные факторы, а не языковые. С другой же стороны, вполне вероятно, что речь идет о древнейших насельниках города, которые в ходе многовекового опыта урбанизации потеряли связь с этническими и племенными корнями, которые не играли важную роль в городском общественном устростве.

В любом случае, мы не можем согласиться с мнением советских востоковедов, которые постулировали окончательную победу городской или оазисной идентичности над этноплеменной в пределах городских поселений. Наши наблюдения показывают, что даже сейчас население Бухары все-таки в большинстве своем знает о своих этнических корнях и многие горожане считают это важной частью своего символического капитала; конечно, имеют место быть обратные случаи, когда те или иные жители города не придают важного значения своему этническому происхождению и акцентируют внимание на городском самосознании, но сей феномен, согласно нашим разысканиям, широко распространен главным образом среди интеллигенции, а в

бытовой жизни этноплеменные и сословные границы до сих пор имеют важное значение.

В данном исследовании мы задались целью проанализировать городскую топонимию Бухары и выделить основные компоненты этнокультурного состава города в сравнительном анализе топонимии и этноплеменных маркировок в нач. XX в.

Махалли и идентичности

Как можно понять, изучив таблицу, приведенную в приложении, основную долю названий 220 махаллей Бухары в нач. XX в. составляли персо-таджикские топонимы. Другая значительная часть топонимов истолковывается на базе арабских и тюркско-узбекских этимонов. С лингвокультурной точки зрения названия махаллей имеют преимущественно антропонимическую и этнонимическую природу. В частности, сразу же можно выделить названия махаллей, восходящих к наименованиям узбекских племен и родов: Турки Джанди, Узбакходжа, Дурман, Кыргыз-оим, Катаган, Хафиз-Кунграт, Калмакан, Урусан, Чубутан [Сухарева 1976: 91, 122, 128, 160, 198].

Кроме того, в изучаемый период население ряда махаллей Бухары возводило себя к тем или иным группам, входящим в узбекскую родо-племенную иерархию, однако это не отражалось в названиях махаллей и гузаров: *мангыты* (8 махаллей), *урьянджи* (4 махалли), *кенагас* (3 махалли), *бахрын*, *баташ*, *дурман*, *чюют*, *найман*, *уч-уруг*, *узбек-туркман*, *калмак*, *буркут*, *кырк-юз* [Сухарева 1976: 105, 126 – 128, 152, 160, 163, 166, 224]. Относительным большинством среди них были *мангыты* – родственники правящей династии; в некоторых махаллях *мангыты* общались на таджикском, а в некоторых – на узбекском. Такой же языковой феномен прослеживается в лингвистической повседневности групп *урьянджи*, *кенагас*; нередко отмечается билингвистичность представителей названных племен.

Сохранение рассматриваемыми группами племенных идентичностей, несмотря на лингвистическую персизацию, объясняется положением этих трайбальных общин в узбекской родо-племенной иерархии. Это были крупные и авторитетные племена, имеющие мощные позиции при дворе. Те же *мангыты* считались опорой династов Бухары в государственном управлении и военном деле, их массовое переселение в столицу и столичный регион всячески приветствовалось. Мангытские семьи были зафиксированы в махаллях Куйи мургкуш, Шишахана, Мир-Дустум, Кыргыз-айим, Мирджан-кельди, Абдуллакушбеги, Искандар-хан – на расспросы этнографов они отвечали: «мы

относимся к узбекскому роду мангыт» [Сухарева 1976: 71, 126, 152, 160, 163, 166, 234].

Также эмиры Бухары предоставили ряд преференций родам *буркут*, *найман* и *бахрын*, считавшимися достаточно влиятельными в среднем течении Зарафшана [Сухарева 1976: 134], аксакалы этих племен назначались на верховные должности при дворе эмиров. Об их влиянии на внутреннюю политику страны свидетельствует тот факт, что представители названных трех общин имели право присутствовать на церемонии коронации ханов и эмиров.

Кенагасы, также являвшиеся весьма многочисленными и периодически вступавшие в острые конфликты с центральным правительством (особенно в период правления Насрулла-хана), переселились в столицу эмирата в различные годы преимущественно из Шахрисабза и его окрестностей [Сухарева 1976: 129, 236].

Заметное число бухарцев относилось к этногруппе «урганджи» или «урганджиян»; они были переселенцами из Хорезмского оазиса, на что, собственно намекает их этнохоронимическое наименование, связанное с городом Ургенчем. Большая часть *урганджи* в пределах городской черты использовала в быту узбекский язык, но были обнаружены и таджикоязычные *урганджи* [Сухарева 1976: 105, 115, 124, 240].

В махаллях Бухары также в небольшом количестве проживали выходцы из других городов эмирата и соседних ханств. В частности, зафиксированы группы, происходившие из городов Хивинского ханства, а также из Ташкента, Карши, Куляба, Чарджоу. Например, в махалле Ишани пир проживала семья узбеков из Ташкента, а глава семейства преподавал в одном из медресе Бухары. В махалле Мианкалиян проживало таджикоязычное население из Мианкаля (региона, располагавшегося между Акдарьей и Карадарьей) [Сухарева 1976: 185]. В махалле Абдулла-кушбеги со своими семьями жили таджики – военные родом из Восточной Бухары (на территории нынешнего Таджикистана). Местное население относилось к сословиям «мир» и «шо», и отличалось от узбекских военных, которых называли «беко» (т.е. беки) [Сухарева 1976: 166].

Следует отметить, что значительную долю населения, переселившегося в Бухару в годы существования эмирата, составляли военно-служащие. Они жили обособленно, имели постоянные контакты с дворцом, а также сородичами из других регионов; данные факторы, видимо, способствовали сохранению четкой родо-племенной памяти у этой группы населения города. Их называли «сипо», т. е. военные, и возводили к разным сословиям в зависимости от этнического

происхождения, как было упомянуто выше [Сухарева 1976: 131 – 136, 146, 166, 170, 229, 261].

В махалле Хавзи баланд всего было около ста дворов; большая часть семейств были фарсами (ирани) по происхождению, но были и узбеки. Характерно, что все обитатели махалли, вне зависимости от происхождения, говорили на таджикском, однако все же разграничивали друг друга по этническим характеристикам; так, одна из улиц данной махалли, где проживали главным образом узбеки, называлась Кучаи узбако (улица узбеков) [Сухарева 1976: 123].

В ходе опросов бывали случаи, когда некоторые респонденты на вопрос о языке и происхождении отвечали «мы сами узбеки, но наш язык таджикский» (*худашиан узбак-у, забанашиан таджики*). Например, представители махалли Куш-мадраса, где было 60 дворов, именно так охарактеризовали свое этническое происхождение, при этом под «таджиками» они понимали фарсов [Сухарева 1976: 151]. Любопытно, что само название махалли имеет узбекское происхождение; возможно, жители махалли позднее перешли на персидский язык.

Кроме того, в махалле Мехтар Анбар с 95 дворами таджикоязычное население называло себя «бухарскими узбеками» (*узбакои Бухоро*) [Сухарева 1976: 258]. Языковые маркировки соприкасались с этническими, но имели иную формулировку. Как пишет О.А.Сухарева, бухарцы таджикоязычных горожан называли «таджикигуй» или «фарсигуй», а узбекоязычных – «туркигуй» [Сухарева 1958: 128].

В других махаллях, как например Арраки мисгаран, Надир-вайс, Сузангаран, Маггаки атгаран и др., население считало себя таджиками. Характерно, что в хозяйственной жизни и занятиях этих махаллей превалировало ремесленничество – медничество, плотничество, пекарство, красильное дело, а также мелкая торговля, в противовес жителям узбекских махаллей, где было много военных, чиновников средней руки и работников медресе.

Известно, что более четкая таджикская идентичность прослеживалась у людей, переселившихся в город из окрестных таджикских деревень и Восточной Бухары. Так, жители махаллей Мулла Хаки рах или Панабиха (выходцы из Панаба) говорили на таджикском языке и считали себя таджиками; они происходили из деревни Панаб (Паяни-аб), расположенной в 24 км от города, и сохраняли родственные связи с этим населенным пунктом [Сухарева 1976: 87 – 88].

В Бухаре также проживали немногочисленные группы казахов, туркмен, татар и др. Например, в махалле Чаршанби-казак было 15 казахских семейств, у которых все еще не оборвались связи со степными соплеменниками [Сухарева 1976: 232].

Еще одной крупной этнокультурной группой в составе населения города Бухары были евреи. Они, в свою очередь, делились по религиозному признаку: выделяли евреев, сохранивших свою исконную религию, и перешедших в ислам. Если евреи, исповедовавшие иудаизм, компактно проживали на территории своих собственных махаллей, то перешедшие в ислам и называвшиеся «чала» соседствовали с узбеками и таджиками в одних и тех же махаллях. Так, в махаллях Чар карвансарай и Мехтари Шафёв еврей-мусульмане жили бок о бок с узбеками. Примечательно, что и те, и другие говорили на таджикском языке [Сухарева 1976: 79 – 80].

В 13 махаллях Бухары было зафиксировано население, которое не имело четкого представления о своем этническом происхождении. Жители этих махаллей также использовали таджикский язык в бытовом общении. Возможно, именно они являлись теми «сартами», «жителями без этничности», о которых много написано в этнографической литературе. Не исключено также, что информаторы из этих деревень просто плохо понимали вопросы или описывали свое видение ситуации, а не общий для всех жителей этих махаллей социальнo-культурный статус-кво. В любом случае, сей феномен прослеживается в относительно небольшом количестве махаллей Бухары, чтобы считать «вымирание» этноплеменных и конфессиональных идентичностей явлением широко распространенным и обыденным. На примере Бухары очевидно, что распространенная точка зрения, согласно которой жители городов Средней Азии не имели четкой этнической идентичности, не подкрепляется собранным этнографическим материалом.

Интерпретация

Как можно судить по этим данным, в 20-30-х гг. XX в. в городе Бухаре население состояло из различных по происхождению этнокультурных групп; более явно выделяются те группы населения, чьи предки относительно недавно мигрировали из других городов, регионов эмирата, а также других стран. Потомки более древнего населения, видимо, имели слабую этнокультурную идентичность, которая постепенно замещалась идентичностью оазисной, общегородской, а, возможно, государственной – судить об этом сложно из-за совпадения названий всех этих административно-географических единиц (город Бухара, Бухарский регион, Бухарский эмират).

В условиях городской жизни происходила постепенная языковая унификация этого разнородного населения, в результате чего представители различных групп и сословий переходили на таджикский язык. Однако языковой переход имел минимальное влияние на этноплемен-

ную идентичность. Очевидно, досоветское население Средней Азии не связывало язык с этническим или племенным происхождением, язык не считался компонентом этнической идентичности. Посему, несмотря на почти полное таджикоязычие городского населения, в обществе существовал широкий набор всевозможных идентичностей этнического, религиозного и локально-хоронимического характера. Все эти пласты идентичности были живой частью антропологической ткани бухарского общества, они включались в определенных социальных условиях, их применяли в разных социальных площадках. Говорить о доминировании религиозных или географических идентичностей или полном отсутствии этнокультурных не приходится.

Население Бухары, несмотря на языковую однообразность, все-таки было внутренне сложным и иерархичным, и делилось на множество групп, главными из которых были узбеки и таджики. Эти две идентичности были сильны завязаны на происхождении представителей групп: узбеками считали себя, как правило, выходцы из узбекоязычных городов и областей, представители узбекских племен; к таджикам относили себя выходцы из таджикоязычных городов и деревень, а также горных районов Восточной Бухары, и, возможно, какая-то часть древних насельников города.

Разное происхождение, разные исторические пути, пройденные этими группами, прослеживаются частично в названиях махаллей, которые они заселяли, а также их общественном статусе. Так, среди населения с узбекской идентичностью было много военных, чиновников, среди горожан с таджикским самосознанием – ремесленников и мелких торговцев.

Помимо них, в Бухаре имелись большие общины персов, евреев, арабов, туркмен, а также незначительные группы казахов, лезгин, татар, афганцев и индийцев. Эти группы в силу своей малочисленности либо более явными религиозными культурным отличиям держались компактно и экстенсивно интегрировались с узбекско-таджикским большинством.

Лишь небольшое количество горожан прошло фазу этнического “Я” к нач. XX в. Эта категория бухарцев больше оперировала локальными либо религиозными идентичностями, и в социальных кейсах, когда надо было выбирать ту или иную этнокультурную или политическую маркировку, могла перетекать в любые группы без конфликта со своим историческим бекграундом. Также их идентичность могла совпадать с самосознанием других групп в некоторых социальных площадках (когда, например, решающую роль играла принадлежность к городу или религиозной конфессии).

Трудно судить о численном соотношении выделенных этнокультурных групп. Судя по данным О.А.Сухаревой, большинство относилось себя к узбекам, несмотря на таджикоязычие, и были случаи, когда под таджиками понимали ираны, т. е. шиитов – выходцев из Ирана [Сухарева 1958: 126]. Эта же исследовательница отмечает, что в 193 из 220 махаллей Бухары население говорило на таджикском языке, а в 102 махаллях проводилось анкетирование на предмет выявления этнической идентичностей, причем в 88 махаллях респонденты назвали себя преимущественно узбеками, а в 11 – преимущественно таджиками [Сухарева 1958: 124]. Эти цифры, наверное, в той или иной степени отражают соотношение узбеков и таджиков в Бухаре. В ходе разысканий, предпринятых другими авторами, бухарцы также в большинстве своем относили себя к узбекам [Сухарева 1958: 126 – 129].

Узбекское население города, в свою очередь, делилось на таджикоязычных (проживало в 95 махаллях) и узбекоязычных (в 34 махаллях, но со значительным таджикоязычным населением). При этом узбекоязычная часть бухарских узбеков, как правило, имела больше сведений о своем происхождении и относилось себя к тем или иным узбекским племенам. Среди таджикоязычных узбеков были как группы с сохранившейся племенной памятью, так и детрайбализованные общности. Предполагаем, отличия в языковом и племенном облике этих групп узбеков обусловлены периодом их переселения в Бухару: более древние группы, как правило, говорили на таджикском и постепенно теряли связь с узбекской племенной системой, в то время как для поздних узбекских переселенцев племенная идентичность имела важное политическое и социальное значение, а таджикский язык пока не был привычен.

Это же будет справедливо относительно таджикского населения города: чем древнее были корни семейства, тем меньшее значение для него играла таджикская идентичность. Для недавних переселенцев из горных районов и окрестных деревень, наоборот, возведение себя к таджикам было важной частью понимания своих корней.

Пожалуй, основным слабым местом нашей интерпретации является собственно применение термина «этнос» в отношении узбеков, таджиков, арабов, ираны и пр. Сложность и политическая нагруженность данного термина мешает его систематическому использованию в антропологическом дискурсе; этнос, как известно, категория, возникшая в европейской политической риторике и научной мысли, и ее применение к языковым и культурным группам других регионов мира сопрягается с целым рядом условностей и несостыковок. Насколько по своим характеристикам и социальным функциям «этнос» мусуль-

манского Востока, Индии или Китая тождественны этносам Европы? Можно ли оперировать одними и теми же терминами при описании общин, проживающих в различных точках мира?

К сожалению, эти вопросы принципиально нерешаемы и не имеют однозначных ответов. Однако в силу того, что современная академическая наука очень европейская, в принципе нет уникальных описательных моделей для различных регионов и географических единиц. Посему нам приходится признать терминологический аппарат необходимой условностью и дать собственное определение этносу. Формулировка эта не объективна и не уникальна, однако она поможет понять читателю, как мы понимаем языковые и культурные группы, существовавшие в Средней Азии в досоветский период.

Итак, этнос в рамках нашего исследования – это некая устойчивая совокупность семейств и индивидов, связанных между собой некой постплеменной и донациональной идентичностью, апеллирующей к кровному родству и общему происхождению. Существование в едином государстве или общий язык не являлись атрибутами данной модели самосознания.

В ходе бурных политических событий племенные группы и оседлые общины региона объединялись в более крупные союзы, которые, тем не менее, были еще далеки от понятия нации. Эти укрупненные группы дали начало традиционным для Средней Азии XVI – XIX вв. идентичностям, которые мы называем этническими. Идентичности эти были радикально пересмотрены в нач. XX в. в рамках советской национальной политики. Некоторые из них получили официальное признание и были наполнены национальным содержанием, т. е. их понимание было пересмотрено; другие, наоборот, были проигнорированы и включены в состав других идентичностей. Так крупнейшие этносы Бухарского эмирата – узбеки и таджики стали считаться нациями, а названия эти приобрели несколько иные коннотации.

Выводы

Все вышеописанное в очень краткой, тезисной форме можно сформулировать следующим образом:

- в Бухаре нач. XX в. существовали весьма разнообразные идентичности, которые имели религиозный, этнический, племенной, хоронимический (локальный) или сословный характер;
- носители этих идентичностей соприкасались между собой при вступлении в различные социальные отношения, и в зависимости от случая оперировали религиозным, локальным или этническим пластом самосознания; доминирование городской или оазисной идентич-

ности и исчезновение этнического либо племенного самосознания не было широко распространенным явлением и охватывало, вероятно, древнейших насельников города;

- несмотря на переход на таджикский язык большей части населения, различные этносы, группы и племена селились в разных махаллях, и зачастую названия махаллей, а также занятия их жителей отражают этнические различия;

- названия махаллей Бухары включали в себя компоненты, отражающие сословное происхождение (ходжа, ишан, хаджи, шейх, мир, мулла), аристократический или административный статус (хан, эмир, кушбег, казы, чурагасы, мехтар, даруга, мирза), этническую или племенную принадлежность (узбек, араб, казак, чубут, катаган, мангыт), а также профессиональную деятельность (дамулла, табиб, мисгар) жителей;

- эти названия дают определенное представление о происхождении жителей; зачастую даже профессия и административный статус были обусловлены этническим происхождением жителей махалли; особняком стояли сословия, которые заменяли как статус, так и племенную принадлежность;

- крупнейшими этническими группами Бухары были узбеки и таджики; они мало отличались друг от друга в быту, говорили преимущественно на таджикском языке, однако в большинстве знали о своем происхождении и занимали разные позиции в обществе, разные экономические ниши, владели разными ремеслами и профессиями.

Использованная литература

Бартольд 1963 – Бартольд В.В. Таджики (Из «Энциклопедии ислама») // Соч. в 9 томах. Т. 2 (1). М.: Наука, 1963. С. 469 – 470.

Демезон, Виткевич 1965 – Демезон П.И, Виткевич И.В. Записки о Бухарском ханстве. М.: Наука, 1983.

Кармышева 1976 – Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М.: Наука, 1976.

Сухарева 1958 – Сухарева О.А. К истории городов Бухарского ханства. Ташкент: Изд-во АН УзССР, 1958.

Сухарева 1976 – Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары (в связи историей кварталов). М.: Наука, 1976.

12	Мулла Шамси Мухаммад – 57 семейств			+					
13	Ходжа Халил – 40-50 семейств	+					+		
14	Чар карвансарай – 20 семейств	+					+	+	
15	Мехтар Шафъ – 50 семейств	+					+		
16	Ислам – 25 семейств				+				
17	Арабан – 120 семейств					+			
18	Мир-Масъуд – 30 семейств			+			+		
19	Кутлук – 20 семейств	+							
20	Шейх Шах – 60 семейств	+						+	
21	Ханакаи Чукмаки – 20 семейств			+					
22	Мулла Хаки рах – 60 семейств	+		+					
23	Пустиндузан – 84 семейства		+	+					
24	Баракиян – 40 семейств				+				+(татары, афганцы)
25	Сесу – 24 семейств			+					
26	Аби раван – 26 семейств		+	+					
			(урганджи)						

27	Турки Джанди – 8-9 семейств	+?							
28	Аман бай – 37 семейств	+					+		
29	Махаллай нав – 200 семейств						+		
30	Амирабад – 70-80 семейств						+		
31	Гарибия – 40 семейств	+							
32	Махдуми Аъзам – 30- 40 семейств	+							
33	Газиян – 104 семейства	+							
34	Сарахсиян – 48 семейств	+							
35	Касагаран – 90 семейств	+							
36	Миракан – 113 семейства	+	+						
37	Сахиб-зада			+					
38	Шейх Джалал – 72 семейства	+	+						
39	Хавзи нав – 25 семейств		+	+					
40	Ургянджия н – 64 семейства	+						+	
41	Пахтабафан – 66 семейств				+				
42	Ханака – 360 семейств				+			+	+ (хо- джа)
43	Писташика нан – 15-20 семейств			+					
44	Шах-Малик – 56 семейств				+				+ (хо- джа)
45	Чакар – 100			+				+	

	семейств								
46	Абдулла-ходжа – 100 семейств			+				+	
47	Шахри нав – 50-70 семейств			+				+	
48	Казы-Захид – 40-50 семейств			+				+	
49	Джанафаран – 52 семейства			+				+	
50	Дастарбанд – 50-60 семейств			+				+	
51	Джуйзар / Хавзи Баба-Нияз – 60 семейств	+						+	
52	Чармгаран – 100 семейств	+		+					
53	Халифа Худайдад – 148 семейств	+	+						
54	Чукур-махалла – 160-180 семейств							+	
55	Таи чарбаг – 60 семейств							+	
56	Узбак-ходжа – 59 семейств	+						+	
57	Вакф – 80 семейств	+						+	
58	Хавзи баланд – 100 семейств	+						+	
59	Хаджи даруга – 60 семейств			+(урганджи)	+				
60	Надир курчи – 60 семейств			+					
61	Ходжа Гунджари – 60 семейств			+					

62	Шишахана – 100 семейств	+	+(мангыты)					+	
63	Сарванан – 50-60 семейств		+	+					
64	Кул Махмад хаджи – 54 семейств		+	+					
65	Дурман – 54 семейств	+	+	(кенага-сы)					
66	Калмакан – 40-50 семейств	+	(калмаки)			+?			
67	Ак-мачит – 70 семейств		+	(кенага-сы, калмаки)		+			
68	Зиндафил Ахмади Джоми – 50 семейств	+	+						
69	Кабул-ата – 51 семейство		+						
70	Ахмад даруга – 40 семейств		+	+					
71	Мачити кунджак – 50 семейств		+	+					
72	Бахадур бий – 60-70 семейств	+	+						
73	Муддаа – 40 семейств		+	+					
74	Ланги араб – 30 семейств		+	+					
75	Дуали пахса – 30-35 семейств		+	+					
76	Такия – 40 семейств	+	+						
77	Чашма Аюб – 80-90 семейств	+		(бахрыны)	+				

78	Мухаммад-пайк – 20 семейств	+	+						
79	Дарвозаи Углон / Кучаи нагачариха – 72 семейства	+							
80	Харратан – 49 семейств			+					
81	Казы Файзи – 100 семейств			+					
82	Шикастабандан – 60-70 семейств		+	+					
83	Урусан – 40-50 семейств	+	(урус ы)					+	
84	Табибан – 30 семейств			+					
85	Мирджан-Али – 30-40 семейств	+						+	
86	Уста Рухи – 210 семейств	+							
87	Писташиканан – 50 семейств	+							
88	Аскар-бий – 70 семейств	+							
89	Хаджи Курбан – 40-50 семейств	+							
90	Шер Мухаммад-джувазкан – 70 семейств			+	+				
91	Назарча – 40-50 семейств			+					
92	Кафар-рабат – 90 семейств		+	+					
93	Хаджа-Пулад – 30-35 семейств			+					

94	Казы Мир-Хашим – 40 семейств			+					
95	Мирза Гафур – 60-65 семейств	+							
96	Мехтар Шахбек								
97	Кош-мадраса – 60 семейств	+							
98	Мир-Дустум – 159 семейств	+	(мангыты, найманы, узбек-туркмены)					+	
99	Ходжа Рафёв – 30 семейств	+							
100	Мехтари Кафилян – 60 семейств	+							
101	Валид-хани шахид – 60 семейств	+						+	
102	Мачити баланд – 50 семейств				+				
103	Ходжа Туйгун – 70 семейств	+							
104	Мехтар Ариф – 60-70 семейств	+							
105	Пайкан – 35-40 семейств	+	(мангыты)					+	
106	Кыргыз-айым / Чубутан – 80-100 семейств	+		+	(мангыты, кырк-юзы, чуюты)				
107	Хаджи Хабибулла / Хиябан – 110 семейств		+	+				+	

108	Карчыгай – 17-18 семейств	+							
109	Маркуш – 56 семейств	+						+	
110	Мирджан- кельди / Хаммами капа	+	(манг ыгы, найма ны, уч- уруг)					+	
111	Сабунгаран – 70 семейств	+							
112	Ахтачи – 30-35 семейств	+						+	
113	Ходжа Аспгардан – 28 семейств			+					
114	Абдулла кушбеги – 40-50 семейств	+	(манг ыгы)	+					
115	Мавлана Асири – 70 семейств			+					
116	Пустиндуза н– 20-30 семейств			+					
117	Мурдашуян / Джилавхан а – 60-70 семейств		+	+					
118	Мир карача - ?								
119	Арраки мисгари – 10-12 семейств			+					
120	Надир-вайс – 40 семейств			+					
121	Хазрати Хизр – 7-8 семейств			+					
122	Хавзи лесак – 37-65			+					

	семейств								
123	Куйи ханака – 84 семейства	+							
124	Мусурман-энага – 40 семейств		+?	+					
125	Дуст-чурагасы – 120 семейств			+				+	
126	Равгангаран – 40-45 семейств			+					
127	Мачити Бесутун – 32 семейства	+		+					
128	Мухаммадияр-аталык – 29 семейств					+			
129	Мадари-хан – 45-50 семейств			+					
130	Лаби хавузи арбаб – 50 семейств			+					
131	Кукалгаш – 70 семейств			+					
132	Ходжа Убани – 30 семейств		+	+					
133	Яланги Бакиджан кушбеги – 50 семейств	+						+	
134	Мианкалиян – 43 семейства	+							
135	Бабайи нанкаш – 60 семейств			+					
136	Суфиян – 80 семейств	+							
137	Заббиян – 40 семейств	+	+						
138	Чар харас – 50 семейств	+							
139	Паччакул хаджи – ?			+				+	

140	Куйн дарахт – 20 семейств			+					
141	Имам Мухаммад Газзали – 30 семейств			+					
142	Гавкушан – 29 семейств								
143	Гузари хай – ?								
144	Мирза Хайдари паян – 40 семейств			+					
145	Сиякаран – 26 семейств			+					
146	Магаки курпа – 20 семейств			+					
147	Амири – 40 семейств	+							
148	Мирза-кули - ? (малозаселенная махалля)			+					
149	Шарифджан – 35 семейств			+					
150	Сузангаран – 15-20 семейств			+					
151	Ходжа Зайнидин – 70-80 семейств	+							
152	Хаммами кунджак – 32 семейства			+					
153	Сиддикьян – 32 семейства				+				
154	Хафиз Кунграт – 30 семейств			+					
155	Зангуласази – 15 семейств			+					
156	Касым-шейх – 50			+					

	семейств								
157	Калтигиян – 35 семейств			+					
158	Сарраджан / Ходжаха – 52 семейства	+							
159	Алакабанда н – 41 семейство			+					
160	Тагбандбаф ан – 40 семейств			+					
161	Казы-орда / Ахунди Мулла Усман – 40 семейств			+					
162	Азизан – 14 семейств			+					
163	Дегреси – 40 семейств	+							
164	Мавлана Шариф – 25 семейств	+							
165	Базари гул – 40 семейств	+							
166	Забуда – 25 семейств	+							
167	Муий табан / Махи табан – 30 семейств			+					
168	Мулла Шах – 25 семейств			+					
169	Магаки аттари – 10- 15 семейств			+					
170	Кемухтгара н – 65 семейств	+							
171	Пайи астана – 65- 70 семейств			+					
172	Мир- Ибрахим – 52 семейства	+							

173	Ходжа Калан – 15 семейств	+							
174	Мулла Пайрави – 50 семейств			+				+	
175	Мавлави Мирзаджан – 60 семейств			+					
176	Авлияи гариб – 60- 70 семейств	+							
177	Чахи занджир – 160 семейств			+					
178	Тупхана – 90 семейств	+						+	
179	Раъд-зада – 25-30 семейств	+	(бата ши)			+			
180	Ходжа Низамидди ни паян – 30 семейств			+					
181	Ходжа Низамидди ни бала – 22 хонадон	+							
182	Арабан – 110 семейств	+		+		+			
183	Мадали хаджи – 30- 35 семейств		+	+					
184	Хаджи Рафезь – 30 семейств	+							
185	Ходжа Гаиб – 60 семейств			+					
186	Джан- Кубади калан – 50- 60 семейств			+					
187	Джан- Кубади хурд / Шур- куль – 40 семейств								
188	Чаршанби-								+

	казак – 15 семейств								(каза- хи)
189	Маддахан – 40 семейств			+					
190	Эстемур / Атламыш – 36 семейств			+					
191	Искандар- хан – 75 семейств	+	(манг ыты)			+			
192	Базари чуб – 61 семейств			+					
193	Катаган – 41 семейство	+	(кенаг асы)	+					
194	Буйрабафан – 110 семейств		+	(ургян джи)					+
195	Алим- ходжа – 112 семейств	+	+			+			
196	Зехтаби – 25 семейств			+					
197	Чарбаккали Дарвазайи Самарканд – 112 семейств		+	+					
198	Шахи Ахси – 360 семейств	+							
199	Чуббаз – 100 семейств			+					
200	Кархана – 101 / 150 семейств	+							
201	Михчагаран – 40 семейств			+					
202	Калабад – 50-60 семейств	+							
203	Замуча – 30 семейств			+					
204	Мухаммади Пастак – (?)			+					
205	Какилайи хурд – 20 / 59 семейств			+					
206	Ай-бинак –	+							

	35 семейств								
207	Ходжа Парса – 50 семейств			+					
208	Фатхулла-кушбеги – 60 семейств	+							
209	Абдулла-кучкар – 41 семейство			+					
210	Саъдакан – 41 семейство								
211	Песхана – 120 семейств	+							
212	Дилкушаи дарун – 70 семейств			+					
213	Ходжа Таббанд – 35 семейств	+							
214	Куча-баг – 48 семейств	+							
215	Джаъфар-ходжа – 104 семейства			+					
216	Мехтар Анбар – 95 семейств	+							
217	Имам Казы-хан – 100 семейств			+					
218	Кара-Камал / Джуйи чаппа – 80-90 семейств		+	+					
219	Мир Тахури диван – 120 семейств			+					
220	Казы Нуриддин – 51 семейство			+					
		95	34	107	13	3	9	31	

НАШИ АВТОРЫ

АСАНОВ Элдар – исследователь Национального центра археологии АН РУз.

БАБАЯРОВ Гайбулла – д.и.н., зав. отделом Национального центра археологии АН РУз. (e-mail: gbabayar@yahoo.com)

ДЖУМАНИЯЗОВА Феруза – доктор философии по историческим наукам (PhD), с.н.с. Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан (jumaniyazova84@gmail.com).

ДРОБЫШЕВ Юлий – к.и.н., с.н.с. Института востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация (altanus@mail.ru).

КАМОЛИДДИН Шамсиддин – д.и.н., профессор, независимый исследователь, г. Ташкент, Узбекистан (shamskamol@gmail.com).

УБАЙДУЛЛАЕВА Барно – д.и.н, профессор Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, г. Ташкент, Узбекистан (barnomashrab@mail.ru).

ХОДЖАЕВ Аблат – д.и.н., профессор, зав. отделом Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН РУз, г. Ташкент, Узбекистан (khodjaev_ablat@mail.ru).

РАЗВЕРНУТОЕ СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Часть 1. Этнопедагогика.	
I Б.М.Убайдуллаева. К вопросу об этнопедагогике или этнологическом исследовании социализации детей ...	5
Часть 2. Тюркоязычные народы.	
II Ш.С.Камолиддин. Этноним <i>узбек</i> и топоним Узбекистан в письменных источниках	21
Часть 3. Ираноязычные народы.	
III Ш.С.Камолиддин. К вопросу о происхождении этнонима <i>таджик</i> . Часть 6	31
Часть 4. Регионы.	
IV Г.Бабаяров, Э.Асанов. Был ли этническим досоветский город? О палитрах идентичности Бухары нач. XX в.	43
Часть 5. История государственности.	
V Ю.И.Дробышев. Отражение монгольских имперских идей в средневековых тибетских источниках	55
VI Ф. Джуманиязова. Наиболее поздние представители династии Кабулшахов (Туркшахов): Фромо Кесаро и По-фу-цун	81
Часть 6. Дискуссии.	
VII А. Ходжаев. Новый взгляд на сведения китайских источников о саках	89
Часть 7. Рецензии.	
VIII Ш.С.Камолиддин. Комментарий к книге «Таджики в источниках и трудах исследователей (материалы по истории таджиков)». Душанбе: Дониш, 2018.	123
Часть 8. Новые книги.	
IX Ш.Камолиддин, И.Усмонов. Фазоил-и Балх – Балх шахрининг фазилатлари. Generis Publishing, 2020.	133

X	Ш.С.Камолитдин. Ибн Хаукал и его труд «Сурат ал-ард». Часть 3. Ма вара' ан-нахр. Saarbrücken: LAP, 2021.	136
XI	Ш.С.Камолитдин. Ўзбекистон тарихи бўйича янги тадқиқотлар. 1-китоб. GlobeEdit, 2021.	141
XII	Проблемы древней и средневековой истории Чача. Вып. 7 / Отв. ред. Ш.С.Камолитдин. Saarbrücken: LAP, 2021 ..	143
XIII	Ш.Камолитдин, Т.Коджаоглу. Проект культурной автономии Туркестана Махмудходжи Бехбуди. Saarbrücken: LAP, 2021.	145
	Условные сокращения	147
	Приложение	148
	Наши авторы	162

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

FOR AUTHOR USE ONLY

**More
Books!**

yes
I want morebooks!

Buy your books fast and straightforward online - at one of world's fastest growing online book stores! Environmentally sound due to Print-on-Demand technologies.

Buy your books online at
www.morebooks.shop

Покупайте Ваши книги быстро и без посредников он-лайн – в одном из самых быстрорастущих книжных он-лайн магазинов! окружающей среде благодаря технологии Печати-на-Заказ.

Покупайте Ваши книги на
www.morebooks.shop

KS OmniScriptum Publishing
Brivibas gatve 197
LV-1039 Riga, Latvia
Telefax: +371 686 20455

info@omniscryptum.com
www.omniscryptum.com

OMNIScriptum

FOR AUTHOR USE ONLY